

НОВОЛЕТИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 10 (1086)

Октябрь, 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ — Есть вещи поважнее футбола	3
БАХЫТ КЕНЖЕЕВ — Над временной жизнью, стихи	77
БОРИС ЕКИМОВ — Житейские истории, рассказы	83
МАРИНА БОРОДИЦКАЯ — Трёхсотый спартанец, стихи	95
ИЛЬЯ КОЧЕРГИН — Поскребыш, рассказ	100
ЕВГЕНИЙ КАРАСЁВ — Странная малость, стихи	108
АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ — XX век. Диптих	114
МИХАИЛ КВАДРАТОВ — В стране Ойле, стихи	122
ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ — Потерпевший, рассказ	126
НАТАЛИЯ ЧЕРНЫХ — Ответ Паулы, стихи	140
ДАРЬЯ РАХЛИНА — «Не смей рожать на улице!» Из воспоминаний. Публикация Лидии Чипуриной	143

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564 — 1616) — Сонеты. Перевод с английского Новеллы Матвеевой	148
---	-----

ОПЫТЫ

АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ — Рышарская честь и деловая репутация	154
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

АЛЕКСАНДР ЖУРОВ — Постскрипtum. О книге Романа Сенчина «Зона затопления»	159
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОЛЕГ ЮРЬЕВ — Анабазис футуриста. От албанского круля до пятистопного ямба. Первые итоги издания Ильи Зданевича	170
РОМАН ШМАРАКОВ — Гиганты и фурии. Дежурное зло торжественной оды	182

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Анаит Григорян. Новая картография (Александр Иличевский. Справа налево)	192
Евгения Риц. Прямая речь без указания тиража (Сергей Соколовский. Добро побеждает зло; Горан Симич. Кровенепроницаемые часы; Юлия Тишковская. Бог любой сложности)	194
Анаит Григорян. Сад отражений (Екатерина Симонова. Елена. Яблоко и рука)	198
Евгения Риц. Похож на водолаза (Дмитрий Веденяпин. Стакан хохочет, сигарета рыдает)	202

КНИЖНАЯ ПОЛКА ТАТЬЯНЫ БОНЧ-ОСМОЛОВСКОЙ	206
МАРИЯ ГАЛИНА: HYPERFICTION	217

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко)	221
Периодика (составитель Андрей Василевский)	226
SUMMARY	240

Со II полугодия 2015 на журнал можно подписаться в редакции с любого месяца по цене 330 руб. за 1 экз; стоимость подписки на полугодие 1980 руб. (для РФ).

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

- полное название организации (для юридического лица) или Ф.И.О. (для физического лица)
- точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)
- для юридических лиц — реквизиты для оформления бухгалтерских документов (ИНН, КПП, юридический адрес)

При получении заказа вам будет направлен счет. После его оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати (с приложением необходимых бухгалтерских документов). По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: 7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29
Эл. почта: zakazinovimir@mail.ru / Сайт: nm1925.ru

В 2015 году «Новый мир» выходит при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

РОМАН ШМАРАКОВ

ГИГАНТЫ И ФУРИИ

Дежурное зло торжественной оды

В ломоносовской оде 1747 года, где, по выражению А. Ф. Мерзлякова, «дышит небесная страсть к наукам», есть такой пассаж:

«И се Минерва ударяет / В верьхи Рифейски копием; / Серебро и золото истекает / Во всем наследии Твоем. / Плутон в расселинах мятется, / Что россам в руки предается / Драгой его металл из гор, / Которой там натура скрыла; / От блеску дневного светила / Он мрачный отвращает взор»¹.

Образом солнечного света, озаряющего Плутоново царство, Ломоносов заимствовался из античной литературы. Там, однако, это признак большой космической катастрофы. У Овидия подобное происходит при падении Фаэтона («Метаморфозы», II, 260 — 261):

Трещины почва дала, и в Тартар проник через щели
Свет и подземных царя с супругою в ужас приводит² —

и едва не происходит, когда Тифей, побежденный богами и придавленный Этной, силится сбросить позорное бремя («Метаморфозы», V, 353 — 358):

Ртом извергает песок и огонь изрыгает, беснуясь.
Тщетно старается он то бремя свалить земляное,
Силой своей раскидать города и огромные горы:
Вот и трепещет земля, и сам повелитель безмолвных
В страхе, не вскрылась бы вдруг, не дала бы зияния суша.
Свет не проник бы к нему, ужасая пугливые тени³.

А у Стация несчастный Амфиарай, низвергшийся в преисподнюю прямо с поля битвы, в колеснице, и успевший увидеть, как Парки перерезают нить его жизни, своей эффектной кончиной едва не вызвал обострения отношений между небом и адом («Фиваида», VIII, 31 — 37):

...Плутон, доселе не ведавший страхов,
видя отверзшийся свод, испугался светил заблиставших,
после ж, вознегодовав от милого света, промолвил:

Шмараков Роман Львович родился в 1971 году в Туле. Окончил филологический факультет Тульского педагогического института. Защитил кандидатскую (1999) и докторскую (2008) диссертации в Московском педагогическом государственном университете. Перевел с латыни Венанция Фортуната (М., 2009), Пруденция (М., 2012), Иосифа Эксетерского (М., 2013) и других. Автор романов «Овидий в изгнании» (Луганск, 2012), «Каллиопа, дерево, Кориск» (М., 2013), «Леокадия и другие новеллы» (США, 2013) и научных трудов. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., «Советский писатель», 1986, стр. 120.

² Овидий. Метаморфозы. Перевод С.В. Шервинского. — В кн.: Овидий. Собрание сочинений. Т. 2, СПб., «Студия биографика», 1994, стр. 37.

³ Там же, стр. 108.

«Что за крушение небес Аверн эфиром пронзили
чуждым? Кто мрак разомкнул, в безмолвных память о Жизни
вызвав? Откуда гроза? Кто из братьев готовит сраженье?
Что ж, коли так, я готов: пусть различия мира погибнут!»⁴ —

и только учтивость Амфиарая спасает мир от войны между братьями-богами.

Ломоносов радикально меняет ситуацию: он применяет этот мотив *in bonam partem*, делая из разверзающейся преисподней символ демиургической роли отечественной науки.

А. П. Сумароков пародировал этот ломоносовский пассаж и в «Одах вздорных» («Там вижу грозного Плутона, / Во мраке мрачный вижу взор. / Узрев меня, бежит он с трона, / А я тогда вспеваю вздор»), и в «Дифирамве Пегасу» («Плутон во мраке черном тонет, / Гигант под тяжкой Этной стонет, / На вечных лютых льдах пожар...»), но не считал, что это мешает ему самому пользоваться тем же мотивом в торжественных одах — правда, не в похвалу науке, а ради масштабности одического спектакля. В оде на день восшествия Екатерины на престол 1762 года Сумароков связывает потрясшийся ад с другим устойчивым мотивом оды — «народным плеском»⁵. Еол созывает ветры в пещеры (умирение стихий — частая одическая прелюдия золотого века), Нептун свергается с трона,

Плутон колеблется в досаде,
И вся безсолнечна страна,
Трепещут Фурии во аде:
Им видно солнце и луна,
И в небе звезд им видны блески,
Торжественны слышны плески,
Граждан, вельмож и храбрых войск:
Сокрылось адское ненастье,
На троне видим наше счастье,
И в красоте зрим дух геройск⁶.

Очередной раз рисуя императорский триумф в аду (об этом мы поговорим ниже), Сумароков дополняет его световую составляющую звуковой: «народный плеск» не только восходит до неба, как обычно, но и нисходит до ада.

В связи с торжественной одой часто говорят о ее сценической природе, связи с барочным театром и т.п. Одическая сцена отчасти напоминает симультанную сцену, устроенную в какой-нибудь церкви: мы помещаем наше зрелище в хорошо построенную модель мироздания, вот здесь у нас купол, отсюда на специальных механизмах спускаются исполнители роли ангелов, а здесь крипта, она обозначает вход в ад, и отсюда повременно выходят персонажи с недобрый лицом и предосудительными намерениями. Вот об этой-то одической крипте мы и хотим поговорить. Ода нуждается в силах ада, без которых ее главный герой, божественное государство, не будет иметь повода напрягать все свое могущество. Эти адские силы исправно исполняли свои обязанности еще в римском панегирике и отчасти через французскую и немецкую поэзию, отчасти же и напрямую добрались до России.

Отец-основатель стихотворного панегирика в римской литературе, Клавдий Клавдиан, имел особую привязанность к сюжетам Гигантомахии и падения

⁴ Стаций Публий Папиний. Фиваида. Перевод Ю. А. Шичалина. М., «Наука», 1991, стр. 129 — 130.

⁵ О важности аккламаций в утверждении императорской власти см., напр.: Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Перевод с английского С. Житомирской. Т. I. М., «ОГИ», 2002, стр. 121.

⁶ Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного Действительного статскаго Советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученого Собрания Члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, членом Вольнаго Российскаго собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть II. М., Университетская типография, 1787, стр. 40. Здесь и далее библиографические данные и цитаты в тексте воспроизводятся в современной транслитерации (*прим. ред.*).

Фаэтона: податливые для аллегорического толкования, они придают судьбе империи, к которой применяются, космический масштаб. Тема Гигантомахии (и неотличимых от нее Титано- и Тифономахии) — один из важнейших ключей, позволяющих трактовать политическую тему в космических терминах, с четким и выразительным различием конструктивных и деструктивных сил. Филип Харди замечает, что простые очертания Гигантомахии, противоположение сил порядка и беспорядка, или добра и зла, делают ее весьма пригодной для изображения борьбы в не-мифологическом плане: таковой мы и находим ее с ранних времен, в форме как простого сравнения, так и детализованной аллегории⁷.

В клавдиановском «Панегирике на III консульство Гонория Августа» умирающий император Феодосий выражает уверенность, что прославленный полководец Стиликон уберезит императорских детей от любой катастрофы, в таких выражениях:

Уже спокоен днесь к звездам я полечу,
Как чад в хранение тебе я поручу.
Хоть связь раздрав Тифей изскочит из пучины,
Возстанет Тиций хоть с подземных долины,
Повергнув Эгну пусть взревет и Энkelлад,
Лишь станет Стиликон, то все не устоят⁸.

В «Похищении Прозерпины» Гиганты и Титаны существуют угрюмой тенью на фоне сюжета, разворачивающегося в опекаемой олимпийцами вселенной. В инвективе «Против Руфина» главный герой после длинной чреды немислимых злодеяний, разорванный в клочья разъяренными солдатами, приходит в преисподнюю и, вызвав смущение адского судьи, никогда не сталкивавшегося с таким масштабом порочности, в конце концов низвергается «ниже Титановых мраков»: абсолютный злодей появляется в поэме как ученик Фурий, превзошедший своих учителей, и уходит со сцены под воспоминание о легендарной попытке потрясти вселенную. В «Панегирике на VI консульство Гонория» «отец Эридан», то есть божество реки По, не зная об исходе войны с готами, тревожно гадает, сжалится ли Юпитер над Римской державой, пока одна из нимф не возвещает ему о разбитии готов. Видя уныло спасающихся готов, Эридан обращается к их вождю Алариху: «О достойный всех Эребовых кар, ты ли яростью Гигантов подступался испытывать город богов? и тебя, нечестивец, хотя бы мой Фаэтон не устрасил примером», и т.д. Затем он собирает окрестные реки на празднество, и в землях, освобожденных от готов, восстанавливается мирная сельская жизнь⁹.

Между римской поэзией и русской торжественной одой есть влиятельный посредник: латинская школа. И в этом случае она приложила свою руку. Федор (в монашестве Феофилакт) Кветницкий, с 1732 года преподававший поэтику в Славяно-греко-латинской академии, где среди его слушателей был Ломоносов, составил латинский курс лекций «Поэтический ключ» (*Clavis poetica*), в котором многозначность поэтического вымысла иллюстрируется примером Гигантомахии: «Поэтический вымысел четвероякий: нравственный, природный, смешанный и богословский. Нравственный вымысел касается нравов, добродетелей, пороков, духовных способностей, телесных чувств и человеческой жизни. Таков вымысел о Гигантах, воюющих против Бога и побежденных

⁷ Hardie P. R. Some themes from Gigantomachy in the «Aeneid». — «Hermes», 1983, № 3 (111), p. 311.

⁸ Цитирую перевод М. И. Ильинского, сделанный в екатерининские времена: Кл. Клавдиана творения с Латинскаго подлинника на Российской язык переведенныя Титулярным Советником и Троицкой Семинарии Префектом Михаилом Ильинским. Ч. I. СПб., Печатня при Императорской Академии наук, 1782, стр. 242.

⁹ Клавдианом, конечно, дело не ограничивается: на Гигантомахии в «Римских одах» Горация (III, 1 и 4) как образец для Малерба указывал Л. В. Пумпянский (Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. III. Ломоносов и Малерб. — В кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов. Под редакцией академика А. С. Орлова. Выпуск 1. М. — Л., Издательство АН СССР, 1935, стр. 115 — 117).

богами: он наставляет, что жизнь человеческая должна быть лучше, и если у кого и будет гигантская сила, однако против Бога ему воевать не следует»¹⁰.

Уже в Хотинской оде Этна («гроб Энкелада», по клавдиановскому выражению) появляется как знак адской силы:

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?¹¹

Так закладывается одическая традиция изображения битвы как восстания ада. Причем и серия риторических вопросов в этом контексте тоже закрепляется традицией; в конце века Н. П. Николев напишет о штурме Измаила:

Не чрево ли отверзла Этна,
Нагбен под кою Энцелад?
Не сонмы ль воинства несметна
Из тьмы на землю вывел ад?
Иль грозный Судия вселенной,
Людской неправдой оскорбленной,
Подъял свой перст злодеям в казнь?¹²

А события Семилетней войны дают Ломоносову возможность в похвалу Елизавете изобразить истребление Титанов девственной богиней-воительницей; при этом умерщвленные враги падают с неба, как Фаэтон, еще один пример бесславной дерзости и желанный гость любой торжественной оды:

Посмотрим в Западные страны:
От стрел Российския Дианы
Из превеликой вышины
Стремглавно падают Титаны;
Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,
Ты, Швейдниц, Кенигсберг, Берлин,
Ты, звук летающего строя,
Ты, Шпреля, хитрая река, —
Спросите своего Героя:
Что может Росская рука¹³.

Едва ли это умножение Фаэтона не мотивировано низвержением восставших ангелов в преисподнюю.

Откочевав из торжественной оды, этот мотив поселяется в сфере зрелищ, воплощающих программы императорской власти. Созданный Ломоносовым в программе фейерверка 1753 года образ многоглавого чудовища, сраженного Елисаветой¹⁴, — реминисценция Тифономахии. В фейерверке на Новый 1758 год изображается российская Минерва, свергшая Титанов (или Гигантов); в описании праздника находятся такие стихи:

Молчите древние Пииты о Титанах,
Зевесом сверженных продерзостных тираннах:

¹⁰ Образец такому пониманию Гигантомахии давала сама античность: «Под Гигантами надо понимать нечестивый род людей, отрицающий богов, о которых потому и считают, что они захотели извергнуть богов из небесного обиталища. Их ноги заканчивались змеиными извивами, что означает, что они не помышляли о должном и о вышнем, течением и продвижением всей своей жизни погрязая в преисподней» (Ма кроби и. Сатурналии, 1,20. *Перевод автора статьи*).

¹¹ Ломоносов М. В. Избранные произведения, стр. 62.

¹² Творении Николая Петровича Николева, Императорской Российской Академии члена. Часть II. М. В Университетской типографии [у Хр. Ридигера и Хр. Клауди], 1795, стр. 117.

¹³ Ломоносов М. В. Избранные произведения, стр. 161.

¹⁴ Помянут в контексте истории крокодилов в России: Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., «Новое литературное обозрение», 2006, стр. 188 — 189.

Не басня вашими стихами сложена,
 Но в правду промыслом Богиня нам дана;
 Престола хищников ударом поразила,
 И славу праотцев своих возобновила,
 Возобновила век в едину ночь ПЕТРОВ,
 Поправ завистливых и внутрь и вне врагов¹⁵.

Сумароков, как обычно, потешается над Гигантами как одическим штампом во второй «Вздорной оде» («Гиганты руки возвышают, / Богов жилище разрушают, / Разя горами в твердь небес, / Борей озлясь ревет и стонет, / Япония в пучине тонет, / Дерется с Гидрой Геркулес») — но сам не обходит их стороной, да еще обнажая мифологическое применение:

Покинь Берлин начато дело!
 Трясется Фридериков трон:
 Несешь оружие ты смело,
 Против великих трех корон.
 Как силы все твои ни рьяны,
 Невы, Дуная и Секваны,
 Не можешь одолети сил:
 Гиганты тако вставали
 Против богов, и воевали:
 Но Зевс рог гордости сломил.
 Престань, во удивленье свету,
 Стремиться делать чудеса!
 Зевесом зри ЕЛИСАВЕТУ,
 Россию яко небеса!
 Сия Монархиня пресильна
 Одной собою изобильна,
 Твои успехи отвратить,
 И утеснения несчастных,
 От нападений им напрасных,
 Тебе стократно отплатить¹⁶.

Отсюда происходит одна важная черта одической поэтики. Ода тяготеет к тому, чтобы изображать битву как конец света; хотя у этой трактовки есть тесная связь с Гигантомахией, она может и не выходить на поверхность в каждом конкретном случае. Приведем лишь один пример из множества, зато наиболее детализованный. Н. П. Николаев в оде на взятие Очакова:

«И се, на твердый брег Лимана / Усердна Муза донеслась, / Где горда сила Оттомана / И злоба адска заперлась; / Где целой тартар поместился, / Чтоб дух неверных обольстил, / И паче дмнемь возгордел: / Там вижду град как нову Трою, / Грозящий препинать Ирою, / И смертный положить предел. // Окрест стена, на ней Титаны, / А бездна за его стеной; / В утробе дышущи волканы, / Геенна скрыта под пятой. / То зависть видя восплескала, / И в мир с молвою поскакала, / Гласит: „Сей неприступен град!” / Европа верит малодушно, / Все стало зависти послушно, / И Росса осудили в ад». Но росс, вооружась перуном своей царицы, приступает к городу. «Минута страшная настала! - - - / В природе все затрепетало! - - - / (« - - -») — так у Н. П. Николаева — *прим. ред.*) Не паки ль все в хаос падет? / Драконы пламенем рыгнули; / Предстал под

¹⁵ Могущество и слава августейшая Елисаветы императрицы и самодержицы всероссийския новоизобретенными увеселительными огнями на новой 1758 год перед зимним домом ея величества аллегорически представленные. СПб., Печатня при Императорской Академии наук, 1758.

¹⁶ Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойнаго Действительнаго статскаго Советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собрания Члена, Александра Петровича Сумарокова, стр. 20 — 21. Впрочем, Сумароков не единственный критик жанра, у которого права рука не ведает, что делает левая. И. И. Дмитриев, упоминающий «чрево Этны» в пародийном «Гимне восторгу» (1792), традиционно обращается к образу «буйных, гордых Титанов» в «Гласе патриота на взятие Варшавы» (1794).

облаком пожар, / И сами небеса вздрогнули, / Пустя из Росских рук удар! / Не воздух зрю, а дым червленый, / Поверх как камень раскаленный, / Стоящий в огненной заре. / Стихии действием пременялись, / Легчайшим долу преклонились, / А тяжестью взнеслись горе. / То ночь светла как полдень ясный, / То мрачней вдруг самой себя; / Все претворилось в вид ужасный, / Повсюду вижду, смерть, тебя! <...> Но тартар сильно с Россом спорит, / Не хочет врат ему отперть; / Его громам громами вторит, / Противу смерти ставит смерть! / Хоть в чреве зрит глубоко рану, / Клянется Стиксом Оттоману, / пожрать Россиян под стеной; / И клятву совершая люту, / Подземну хлябь огнем раздуть / Пускает громовой стрелой. / Засженной серой рвет и душит, / И воздух претворяет в смрад - - - / Но тем свои жь оплоты рушит, / Себя же подрывает ад. / Прешел Ирой валы широки, / Покрыв телами рвы глубоки, / Махнул штыком - - - просторен путь! / Уже разит на шаг от града! / Устлались стены войском ада - - - / Все тщетно! - - - Росс придвинул грудь»¹⁷.

Стены Очакова — ширма, отделяющая ад от человеческого мира. Начинаясь битва описана как грозящее разложение вселенной в хаос. Сумароковский оксюморон «В густой и освещенной ночи» Николев детализует по двум направлениям, во-первых, изображая космическую катастрофу как нарушение распределения света и тьмы («То ночь светла как полдень ясный» и т. д.), во-вторых, намекая на картину размежевания стихий по легкости/тяжести при создании космоса¹⁸: «Легчайшим долу преклонились» — мир двинулся к первоначальному смешенному состоянию.

К аллюзиям латиниста присоединяется идиоматика христианина. Как «врата и вереи» ада у Сумарокова (см. ниже) — рефлекс богослужебного языка, как в аналогичных одических и эпических контекстах «челюсти» («ада», «исполина» etc.), «курающиеся» или «разевающиеся», суть реминисценция христианского (в том числе иконографического¹⁹) образа ада, — так у Николева «глубокая рана в чреве тартара» восходит к церковной традиции. Ср.: «Чрево врага смертию растерзал еси Спасе, и вся яже в нем юзники воскресил еси...» (Октоих, Суббота 8-го гласа, Утренний канон, Песнь 6); «Живота Сокровище, мертвого яко от сна Спасе, воздвигл еси, и словом адову утробу расторгнув, воскресил еси...» (Триодь постная, Лазарева суббота, Утренний канон, Песнь 7), и т. д.²⁰ У Николева русский солдат, балансируя на грани хаоса и космоса (не только в смысле гиперболических масштабов сражения, но и находясь на очаковских стенах, отделяющих преисподнюю от человеческого космоса), совершает деяния сотериологического рода²¹.

Мотив, заимствованный из мифологического арсенала римскими манифестациями власти, составил наследство торжественной оды, поскольку оказался податлив для христианской интерпретации, как подавался прежде моралистическому и космологическому истолкованию. Образовав в новоевропейском

¹⁷ Творении Николая Петровича Николева, Императорской Российской Академии члена, стр. 32 — 35.

¹⁸ См., напр., у Овидия («Метаморфозы», I, 26 — 30.): «Сила огня вознеслась, невесомая, к сводам небесным, / Место себе обрета на самом веру мирозданья. / Воздух — ближайший к огню по легкости и расстоянью. / Оных плотнее, земля свои пригнула частицы. / Сжатая грузом своим, осела...» (Овидий. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского. — В кн.: Овидий. Собрание сочинений. Т. 2, стр. 10), и т. д. Ср. его же «Фасты», I, 105 — 110, а также Лукреция, «О природе вещей», V, 432 — 508.

¹⁹ О иконографии «пасти адовой» см., напр.: Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М., «Индрик», 2011, стр. 229 — 246.

²⁰ См.: Игумен Иларион (Алфеев). Христос — Победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции. СПб., «Алетейя», 2001, стр. 244, 251, 255, 418.

²¹ Благодатные возможности для колористических разработок этот топос дает Державину: см. картину извергающегося Везувия (так же связанного с темой Гигантомахии, как и Этна, — под ним был погребен гигант Алкионей) в зачине оды «На взятие Измаила» и в оде «На переход Альпийских гор».

панегирике амальгаму с аллюзиями и на восстание Сатаны, и на безбожное строительство Вавилонской башни, и на апокалиптические события, тема Гигантомахии давала императорскому божеству достойную точку приложения его барочной мощи, а Энцилад так удобно рифмовался с адом, что создавал для одического поэта соблазн, едва ли одолжимый.

Здесь следует сделать замечание, актуальное для одической топики вообще. Римские темы нигде не выступают в несвязанном виде, но везде в соединении со сходной образностью христианского происхождения: иначе говоря, ода создает образность, могущую служить «точкой схода» римского и христианского, прочитываясь равно в обоих модусах. Этот поиск универсальной санкции одическому пафосу одновременно выражает притязание говорить универсальным языком. Образный строй оды представляет новую Пятидесятницу, когда текст, созданный под влиянием *восторга*, прочитывается в двух кодах, христиански-сотериологическом и римски-имперском, и носители и «ветхого», и «нового» языка одинаково найдут для себя весть о новом владыке и спасителе. Этим притязанием предопределяется тип освоения римского материала — он может выступать лишь в связанном виде.

Если Гиганты проходят по панегирической рубрике «деяния на войне», то одические Фурии, как ни странно, преимущественно участвуют в картинах Золотого века. О символике Золотого века в общем виде говорить не приходится в связи с безбрежностью темы — от возвращения Астреи с небес до овец, чье руно само собой окрашивается в пурпур. Укажем лишь на один частный момент: в панегирическую картину Золотого века входит изображение персонифицированных пороков и бедствий (и особенно Фурий), лишенных силы, изгнанных с лица земли и запертых в аду — той «реторической среде», что определена для них еще «Энеидой»²².

Обратимся снова к опыту Клавдиана.

Инвектива «Против Руфина» (397 год) начинается сценой в аду. Фурия Аллекто, «вскипев завистью», созывает общее собрание всех, не занятых на вахте. «Стекаются туда заразы все зловредны, / Несчастнейший сей плод родила мрачна ночь; / Предшествует раздор, презлой войны родитель, / Дрожаща старость с ним ближайша к смерти дверь, / Несносна тут болезнь, и страшный глад мучитель, / И зависть щастием чужим терзаем зверь. / Печаль раздрав покров, облеклась в слезы, в бледность, / И страх со дерзостью стремглав туда течет, / Богатства роскошь враг, за ней несчастна бедность / Вниз очи потупя влечется тихо в след, / Безсонныя тоски, заботы и печали / Соделав из себя предлинной тамо строй, / И мерзкой скупости объемши грудь предстали, / Изчадие и плод сей матери родной»²³. Они рассаживаются по железным креслам, и Аллекто, отбросив змей, вьющихся у ее висков, за спину, начинает речь. Она жалуется, что император Феодосий вернул на землю Золотой век и Фурии изгнаны оттуда в преисподнюю.

О! сколь ленивы мы! ленивы и не внемлем!
 Нас с неба Юпитер, с земли Федосий жмет.
 Се веки паки в свет златые днесь родились!
 Се древний плод востал! с добротою любовь,
 И вера с верностью согласно все сложились,
 Над нами торжество ведут поднявши бровь.
 Увы! и правда, се! светлейшая денницы
 Ниспадши с высоты востала на меня,

²² См. адское преддверье (*vestibulum*), изображенное Вергилием, где гнездятся Заботы, Болезни, Голод, Позор, Война, Распря и т.п. («Энеида», VI, 273 — 281). Аналогичная картина адской жизни по Клавдиану — далее в нашей статье.

²³ Кл. Клавдиана творения с Латинского подлинника на Российский язык переведенныя Титулярным Советником и Троицкой Семинарии Префектом Михаилом Ильинским, Ч. I. 1782, стр. 84.

Законы извела из мрачных темницы,
Злодейство и порок со всем искореня!²⁴

At nos indecores longo torpebimus aevo / omnibus eiectae regnis, «а мы, опозоренные, будем коснеть долгий век, изверженные из всех царств», прибавляет она. Начинается дискуссия, как же поправить положение (этот пассаж вдохновлял Мильтона в работе над сценой адского совета в «Потерянном Рае»), и Мегера предлагает омрачить мир с помощью Руфина, злодея из злодеев. Руфина вводят в дело, и Фурии могут торжествовать, однако в конце первой книги поэмы божественная Правда (Justitia) охлаждает пыл торжествующей Мегеры, пророча ей, что Золотой век возобновится, Руфин, ныне истязавший всю вселенную, по смерти не найдет себе и песка для погребения — «и ты, связанная тяжкими железными цепями, будешь изгнана из дня и, остригши победенные власы своих змей, заключишься в отдаленной бездне»²⁵.

В «Панегирике консулу Манлию Феодору» (399) та же самая Justitia, отождествляемая с Астреей, спускается с небес, чтобы уговорить Манлия оставить его благородный досуг и занятия наукой (кстати сказать, Манлий, безукоризненно совершавший поприще администратора, был серьезным философом-неоплатоником, оказавшим сильное влияние на блаж. Августина). «Иль ты не зришь, — говорит она, — как наша сестра Кротость тупит скорбные мечи, и, обняв ясных братьев, поднимается Благочестие, чтоб плакало над сломленным оружием Вероломство и умирающие гидры разодранных кудрей лизали бессильным ядом узы, наложенные Фуриям? Ликует с Миром Верность. Мы все уже, оставив звезды, разнеслись среди безмятежных городов»²⁶.

А в панегирике на консульство Стиликона (400 год) Клавдиан сообщает публике, что Стиликона воспитывали олицетворенные добродетели, и изображает изгнание пороков, делающее Стиликона образом Золотого века в пределах одной души: «Обращены в далекое бегство неприязненные духи, рожденные Тартаром в чудищеродных пещерах: и прежде всего мать преступлений, которая всегда, пылая от стяжаний еще большей жаждой, отверстую глотку разевает на золото, — Алчность ты гонишь; ее гнуснейшая кормилица, Любочестье, бодрствующая в передних и пред дверьми вельмож, пестуя продажу честей, — она также изгнана»²⁷.

Этот случай наглядно показывает, как осваивали тематику христианские поэты: тут мы находимся в непосредственной близости от батальных картин «Психомахии» Пруденция. Христианскую интерпретацию темы облегчило сходство загнанных в ад и прикованных Фурий с низвержением восставших ангелов и окованием Сатаны в преисподней (Откр. 20:1—3).

У Ломоносова уже в Хотинской оде: «Россия, коль счастлива ты / Под сильным Анниным покровом! / Какие видишь красоты / При сем торжествования новом! / Военных не страшися бед: / Бежит отуду бранный вред, / Народ где Анну прославляет. / Пусть злобна зависть яд свой льет, / Пусть свой язык, ярься, грызет; / То наша радость презирает»²⁸.

Сумароков в оде Екатерине II на первый день Нового 1763 года детализует тему. Истина нисходит с неба, Неправда скрывается в адские пещеры: «Власы терзает, и стена, / В безсолнечной отрады ищет: / Крича, в тумане вечном рыщет: / Спасите фурии меня!» И далее: «Плутон и фурии мятутся, / Подземны пропасти ревут: / Врат ада верей трясутся, / Врата колеблемы падут: / Цербер гортаньми всеми лает, / Геенна изо врат пылает: / Раздвинул челюсти Плутон, / Вострепетал и пал со трона: / Слетела со главы корона; / Смутился Стикс и Ахерон. / Неправда адом вооруженна: / Стоглавный сей дракон шипит; / Но

²⁴ Кл. Клавдиана творения с Латинского подлинника на Российской язык переведенныя Титулярным Советником и Троицкой Семинарии Префектом Михаилом Ильинским, Ч. I. 1782, стр. 85.

²⁵ Перевод автора статьи.

²⁶ Перевод автора статьи.

²⁷ Перевод автора статьи.

²⁸ Ломоносов М. В. Ода ... на взятие Хотина. В кн.: Избранные произведения, стр. 68.

Истинною поражена, / В горящей паки мгле кипит. / Ликуйте рощи, луг и реки: / Возрадуйтесь человеки, / Живущия под скиптром Той, / Котора смертных превышая, / И нас, о Россы! украшая, / Нам век воставила златой!»²⁹

В условно-языческих декорациях разворачивается сюжет, имитирующий сошествие Христа во ад. Влиянием литургического языка обусловлен у Сумарокова акцент на «сотрясшихся верях» и «колеблемых вратах». Ср.: «Врата смерти и вереи, Твоею смертью сокрушил еси Безсмертне» (Октоих, Суббота 1-го гласа, Утренний канон, песнь 1); «Отверзошася Тебе Господи, страхом врата смертная, вратницы же адовы видеше Тя, убояшася; врата бо медная сокрушил еси и вереи железныя стерл еси» (Суббота 2-го гласа, Вечерня, стихира на «Господи воззвах»); «Врата сокрушивый медныя, и вереи адовы сотрый, яко Бог всесилен, род человеческий падший воскресил еси...» (Суббота 6-го гласа, Великая вечерня, Стихира на стиховне) и т. п. Одическая замена Христа, «сокрушившего смерти державу», торжествующая Истина, сходя с небес во славе, свергает с престола царя ада и бросает неправду во что-то вроде «озера огненного» (Откр. 20:10) — апокалиптическая параллель к Минерве, отвергающей храм Просвещения.

Новая работа Фуриям задана в оде на день восшествия на престол 1772 года. Речь идет о недавнем бунте в чумной Москве. «В 1771 году Москва не горела, по улицам не дымились остовы домов: дома стояли по-прежнему на своих местах; но эти заколоченные двери, забитые досками окна, эти вывески смерти — красные кресты на воротах зачумленных домов, которые, как два ряда огромных гробов, тянулись по обеим сторонам улицы, — не во сто ли раз ужаснее всякого пожара? Прибавьте к этому почти совершенное безначалие, безмолвие могильное в предместьях, неистовые крики бунтующей черни в середине города — той безумной толпы, которая, упившись кровию тех, кои заботились о ее же спасении, грабила, разбивала кабаки и устилала своими зараженными трупами опустелые улицы Москвы», писал впоследствии М. Н. Загоскин в «Кузьме Рошине»³⁰. 16 (27) сентября в Донском монастыре жертвой народной ярости стал Амвросий, архиепископ Московский. «Накинем скорее завесу на это святотатственное событие...», как говорит Загоскин, и вернемся к Сумарокову. Он изображает московский бунт как мертвую паузу между двумя «золотыми веками», своего рода святки, когда адские аллегории на краткое время получают силу для святотатства:

«Взыграйте ныне Росски земли, / И их кропящая моря! / А ты Москва, главу подьемли, / Монархиню благодаря; / В стенах твоих не слышно стона: / Падет к аверне Тизифона, / И алчна смерть отсель бежит: / Граждане бедства забывают, / И паки грации всепевают: / Ни кто от страха не дрожит. / Магеры наглости безстыдны, / Героем утишенны здесь; / Лишь только пустошений видны / Остатки, Тизифоны днесь: / Ко вящу суверства сраму, / Касалася Алектона храму, / Куда святыи нисходит дух: / Святилище ломать дерзала, / Первосвященника терзала: / И разносился страшный слух. / Страдали мы безчеловечно, / И жали смертоносный плод: / Предайся ты забвенью вечно / Нещастнейший минувший год: / Исчезните злы нильски яды! / О день Российския отрады! / Сложивший с Россов бремена: / Начни такая же нам лета, / Царица севернаго света / Дай нам те прежни времена!»³¹ Времяпрепровождение Фурий в оде редко отличается от домашнего ареста; это — один из немногих случаев.

²⁹ Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного Действительного статского Советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученого Собрания Члена, Александра Петровича Сумарокова, стр. 51, 52. Об аде как одном из опорных мотивов сумароковских од, «почти навязчивом», см.: Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII — XVIII веках. СПб., «Наука», 2005, стр. 252 — 253. Из нашего обзора должно явствовать, что говорить здесь о специфической черте сумароковской поэтики следует с большей осторожностью.

³⁰ Загоскин Михаил. Кузьма Рошин. — В кн.: Загоскин М. Н. Сочинения в 2 т. Т. 1, М., «Художественная литература», 1987.

³¹ Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного Действительного статского Советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученого Собрания Члена, Александра Петровича Сумарокова, стр. 109 — 110.

Топос «Фурии, замкнутые в аду» разрабатывается и лириками сумароковской школы. Например, В. И. Майков в «Оде Государыне Екатерине Алексеевне на заключение Вечного Мира между российской империей и оттоманскою портою Июля Дня 1774 года» (1775) обогащает картину колоритным мотивом самопожирания в бессильной злобе (восходящим к Ломоносову, как мы видели): «В полках российских бранны звуки, / В срацинских смолкли вопль и стон; / Торги, художества, науки / Минервин окружают трон. / Лицо иссохшее имея, / Бледнеет Зависть, как лилея, / Российские успехи зря; / Ярься, сама себя терзает, / Змииным жалом грудь пронзает, / Геенским пламенем горя. / Едва главу свою подьемлет, / Едва возводит тусклый взор, / Там гласы радостные внемлет, / Где прежде царствовал раздор; / Где прежде воздух ядра рвали / И трупы землю покрывали, / Там зрит ликующих людей; / Мятется, стонет и трепещет, / Зубами ржавыми скрежещет / В жестокой ярости своей»³².

Наконец, Н. П. Николев выводит Фурий на сцену в самом буквальном смысле — дав им дверь, которую они охотно открывают:

О естлиб злоба, ада дщерь,
 Не отверзала к свету дверь,
 Спокойство Россов было б вечно!
 Но так предписано Судьбой,
 Чтоб тьма, прельщенная собой,
 Мешала свету бесконечно...³³

В дело введен почтенный, древний образ, который заслуживал бы отдельной статьи. *Machina laxatur caeli rutilaeque patescunt / sponte fores*, «зданье небес разверзается, и сами собою отпираются золотые двери», говорит Клавдиан об апофеозе Феодосия. «Небесная отверзлась дверь, / Над войском облак вдруг развился, / Блеснул горящим вдруг лицом, / Умытым кровию мечем / Гоня врагов, Герой открылся», говорит Ломоносов в Хотинской оде³⁴. Это топос с богатой родословной: за ним стоит и античное изображение полуоткрытой двери как символ «жизни по ту сторону смерти»³⁵, и «мистическое небо» иконописи³⁶, и театральная занавес, и библейская образность (Пс. 77:23: «и двери небесе отверзе»), и агиографический топос помощи святых сродников (начиная с Жития Александра Невского). В пару к двери небесной, отверзаемой для откровений, щедрот и апофеозов, у Николева появляется адская, и существенная часть усилий одического героя тратится в намерении закрыть ее навечно, выполняя тем самым роль нового демиурга: как при создании космоса, все расходится по своим уровням, — с тем отличием, что водворенные на нижнем этаже удерживаются там не *мирным согласием* (Овидий. «Метаморфозы», I, 25), но жесткой рукой вселенского триумфатора.

³² Майков В. И. Избранные произведения. М. — Л., «Советский писатель», 1966, стр. 240 — 241.

³³ Творении Николая Петровича Николева, Императорской Российской Академии члена, стр. 62. Вслед за Сумароковым Николев изображает «народный плеск», проникающий небесное и подземное царства, в «Оде на заключение мира с державою Шведскою 1790 года Августа 3 дня»: «Веселы клики вознеслись / Под кров блестящих зеницы (sic!); Три понта плеском потряслись / Во славу Роския царицы. / Бледнеет зависть и дрожит, / Дракон от ужаса бежит, / И в мрачной бездне злобу кроет; / Одна сама себя грызет, / Другой из тьмы во тьму ползет, / И там себе гробницу роет» (там же, стр. 79).

³⁴ Ломоносов М. В. Избранные произведения, стр. 64. То же — в апофеозе Елизаветы, когда Петр «при входе светозарной двери, / Десницу простирая дщери, / К себе в небесный вводит кров» (там же, стр.164).

³⁵ Naarlov B. The half-opened door. A common symbolic motif within Roman sepulchral sculpture. — «Odense University Classical Studies», Vol. 10. Odense, 1977.

³⁶ См., напр.: Раушенбах Б. В. Пространственные построения в древнерусской живописи. М., «Наука», 1975, стр. 97 — 102.

SUMMARY

This issue publishes the first part of a novel by Dmitry Danilov «There Is Something More Important than Football», short stories by Boris Yekimov «Everyday Stories», a short story by Ilya Kochergin «A Skrapeling», a diptych by Aleksander Ilichevsky «XX Century», a short story by Elena Dolgopyat «An Injured Party» and also memoirs by Darya Rakhlina «Do not Dear to Give Birth on the Street!». A poetry section of this issue is composed of new poems by Bakhyt Kenzheyev, Marina Boroditskaya, Evgeny Karasyev, Mikhail Kvadratov, Natalya Chernyh.

The sections offerings are following:

New Translations: Sonnets by William Shakespeare translated by Novella Matveeva.

Essais: Aleksander Melikhov in his essay «Knight's Honor and Business Reputation» writes about duel codex and corporative culture.

Literature critique: Aleksander Zhurov in his article «A Postscript» writes about Roman Senchin's new novel «A Zone of Flooding».

Literature studies: Oleg Yuryev in his article «Anabasis of a Futurist. From Albanian Krul to Pentameter» writes about new edition of Ilya Zdanevitch's works. Also Roman Shmarakov in his article «Giants and Furies. A Usual Evil of a Ceremonial Ode» writes about Ancient Roman literature influence on Russian odes of XVII — XVIII centuries».

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Тексты, присланные на электронных носителях и по электронной почте, а также рукописи объемом более 12 авт. л. не рассматриваются.

Словесное сочетание «НОВЫЙ МИР» зарегистрировано ЗАО «Редакция журнала „Новый мир“» в качестве товарного знака по классам МККТУ 16, 38, 41, 42.

Общественный совет: Д. П. Бак, П. В. Басинский, А. Г. Битов, С. Г. Бочаров, А. Г. Волос, Д. А. Гранин, Б. П. Екимов, Ф. А. Искандер, Ю. М. Каграманов, А. А. Ким, Р. Т. Киреев, Ю. М. Кублановский, А. С. Кушнер, А. Н. Латынина, Б. Н. Любимов, А. М. Марченко, В. С. Непомнящий, И. Б. Роднянская, О. А. Славникова, М. О. Чудакова, О. Г. Чухонцев

Главный редактор А. В. Василевский

Первый заместитель главного редактора М. В. Бутов

Редакционная коллегия: М. С. Галина, В. А. Губайловский, М. Б. ИONOва, С. П. Костырко, П. М. Крючков (зам. главного редактора), О. И. Новикова

Компьютерная верстка — М. А. Каганова

Адрес редакции: 127994, ГСП-4, Москва, Малый Путинковский пер., д. 1/2.
Телефоны: главный редактор — (495) 650-57-02, заместитель главного редактора — (495) 650-91-81, отдел прозы — (495) 694-54-96, отдел поэзии — (495) 629-56-92, отдел критики — (495) 650-57-02, для справок, продажа журналов — (495) 694-08-29.

Электронная почта: nmir2007@list.ru

по вопросам зарубежной подписки: novi-mir@mtu-net.ru

Сетевой журнал «Новый мир»: <http://www.nm1925.ru> • <http://novymirjournal.ru/>

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77-15286 от 28 апреля 2003 г.

Учредитель и издатель — ЗАО «Редакция журнала „Новый мир“».

Сдано в набор 28.08.2015 г. Подписано к печати 28.09.2015 г. Формат бумаги 70×108 1/16. Бумага кн.-журн. Офсетная печать. Объем 15,0 печ. л., 21,0 усл. печ. л., 27,0 уч.-изд. л.

Тираж 3000 экз. Зак. 3019-2015. Цена договорная.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
<http://www.redstarph.ru> e-mail: kr_zvezda@mail.ru